

**ПОЭЗИЯ МИРОВОГО ЗВУЧАНИЯ
(ОБ ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ
ПО КУРСУ «ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»)**

Учебный курс «История персидской литературы» (литературы Ирана) предоставляет возможность студентам факультета иностранной филологии, обучающимся по специальности «Английский язык и персидский язык», детально изучить историко-литературный процесс в Иране, Средней Азии, Закавказье, Северной Индии с доисламской эпохи до настоящего времени.

Задача данного курса состоит в том, чтобы ознакомить студентов с периодами истории литературы Ирана и всего фарсиязычного мира; с основными литературными направлениями и особенностями фольклорных, поэтических, прозаических и драматургических жанров персидской словесности разных эпох.

Важнейшим аспектом профессиональной подготовки является проведение внеаудиторной работы по предмету в форме литературных поэтических вечеров, литературно-музыкальных композиций, посвященных творчеству поэтов и писателей Ирана разного времени.

Предлагаемая литературно-музыкальная композиция проводится в конце IV учебного семестра и является своеобразным творческим отчетом студентов второго курса об овладении ими литературным материалом, историко-бытовыми сведениями об изученной эпохе, умениями и навыками осуществления внеклассной работы по литературе в условиях современной школы.

Аудитория оформлена в восточном стиле. На учебной доске портреты поэтов Рудаки, Фирдоуси, Омара Хайяма, Руми, Саади, Джамии; репродукции издания «Персидская миниатюра».

Поэтический «диван» – собрание поэтов – покрыт персидским ковром. Перед ним на отдельном коврикe на полу – открытая книга и калам (перо), струнный музыкальный инструмент саз.

В углу у окна книжная выставка изданий классиков фарсиязычной литературы в оригинале и в русских переводах, научно-критической литературы; фрагменты костюмов, атрибуты быта народов Среднего Востока.

В ходе литературно-музыкальной композиции звучат традиционные персидские мелодии «ушшак» (мажорные) и «бузрук» (минорные).

Ведущие: Древняя формула: «Ex Oriente lux» – «С Востока свет» в наши дни наполняется новым содержанием. И хотя современная культура черпает свет из источников самого разного происхождения, мы не вправе забывать, как много правдивого и доброго обрело человечество благодаря «свету с Востока» – именно свету, а не пресловутому «ветру». И совсем не случайно духовное наследие Востока, ныне переживающего пору крутых перемен, заново привлекает пристальное внимание, вызывает живой и острый интерес.

Исполинская ветвь восточной лирики – иранская. Классическая персоязычная поэзия дала миру эпический шедевр – «Шахнаме» Фирдоуси, замечательные циклы поэм Низами, Дехлеви, Джами, создала великие образцы малого жанра. Она открыла неведомые дотолe уровни познания отдельной человеческой души, отобразила сложный мир личного в его многоликих и драматических связях с окружающей жизнью.

Семь поэтов представляют здесь классическую персидскую поэзию – общее достояние иранского, таджикского, афганского народов, персоязычных жителей Индии и Пакистана.

Первый в этой плеяде **Абу Абдулло Рудаки** (ок. 860–941 гг.) – «Адам персидских поэтов». И хотя из его обширного наследия до нас дошло немного, он по праву считается родоначальником классической лирики персов, открывшим основные черты ее стиля, очертившим круг ее важнейших жанров

и ведущих тем. Он писал о любви, о назначении человека, о жажде счастья, о благотворной силе поэтического слова. Призыв помогать слабым и падшим, а не подавлять и унижать их прозвучал в стихах Рудаки тысячу с лишним лет назад и по сей день отзывается сильным эхом в мировой литературе.

Существует легенда о том, как Рудаки однажды сопровождал бухарского эмира в Герат. Этот город очень понравился монарху, и он задержался в нем на четыре года. Тогда истосковавшиеся по своим родным местам и семьям придворные решили попросить помощи у Рудаки. Поэт написал стихи, воспевающие Бухару:

Исполнители:

Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит.
Чары яр моей желанной к нам доходят...
Что нам брод Аму шершавый? Нам такой,
Как дорожка златотканая, подходит.
Смело в воду! Белоснежным скакунам
По колена пена пьяная доходит.
Радуйся и возликуй, о Бухара:
Шах к тебе, венчанная, приходит.
Он как тополь! Ты как яблоневый сад!
Тополь в сад благоухания приходит.
Он как месяц! Ты как синий небосвод!
Ясный месяц в небо раннее восходит¹ [Родник... 1979, 16–17].

Ведущие: Услышав эту прекрасную касиду в исполнении поэта, эмир, полуодетый, вскочил на коня, и свита догнала его только где-то на полпути к Бухаре. Вот какой волшебной силой обладал великий Рудаки!

Почти современник Рудаки – великий создатель «Шахнаме» **Абулькасим Фирдоуси** (940–1030 гг.). «Книга царей» содержит более 100 тысяч стихотворных строк. Она воплотила широкую картину мифологии, истории иранских народов. Перед взором читателя проходит галерея образов богатырей и справедливых шахов – защитников родной земли.

¹ Стихотворения поэтов исполняются в оригинале и в русских переводах.

В первых сказаниях эпопеи повествуется о том, что на земле царил золотой век, пока шах Джамшед не возгордился: он возомнил себя божеством. Тогда народ отвернулся от него, и страну захватил узурпатор, иноземец Заххок, который стал приносить в жертву змеям мозг самых прекрасных юношей Ирана.

После тысячелетнего гнета Заххок был свергнут восставшим народом под предводительством простого человека – кузнеца Кове, и в Иране вновь воцарился потомок законной династии – справедливый шах Фаридун.

Исполнители:

Кузнец между тем у дворца, разъяренный,
Базарною шумной толпой окруженный,
Взывал к правосудью, народ поднимал,
И каждый горячим реченьям внимал.
Он кожаный фартук сорвал непокорно
(Тем фартуком он прикрывался у горна),
На пику надел и подъял его вверх,
Чем всех предстоящих в смятенье поверг,
Подъял, точно стяг, и пошел, восклицая:
«Эй, люди, как вы, почитаю творца я!
Внемлите же: кто Фаридуну не враг,
Кто хочет повергнуть насилье во прах,
Тот пусть, не страшась, поспешает за мною
Туда, где нет места палящему зною.
Бегите! Зачем вам дракон Ахриман?
Создателю мира враждебен тиран!
А бедный мой фартук сослужит вам службу,
Сказав, где найдете вражду или дружбу».
Был ведом Кове Фаридуна дворец,
И толпы повел справедливый кузнец.
И вот – из палат молодого владыки
Навстречу летят дружелюбные клики...
А кожаный фартук взял царь молодой,
Сочтя своей доброй, счастливой звездой,
Убрал его римской парчою на диво,
Узор из камней подбирая красиво,
И поднял, как лунный блистающий диск,
Как башню надежды, мечты обелиск.

Назвал его: «Знамя Ковы», и отныне

Все стали простой поклоняться святыне [Родник... 1979, 33].

Ведущие: Чуть больше столетия отделяет Рудаки от **Омара Хайяма** (ок. 1048 – ок. 1123 гг.), одного из крупнейших ученых своего времени, философа и математика, астронома и полиглота. Но поистине всемирную славу Хайяму принесли несколько сотен четверостиший (рубай), каждое из которых – поразительно гармоничный синтез смелой мысли и высокого чувства. Гуманист и правдолюбец, жизнелюбивый скептик и насмешливый рационалист, Хайям не отворачивается от трагических тайн – загадок бытия и смерти. Он умеет видеть горечь жизни, не отказываясь от ее радостей. Он издевается над лицемерами, святошами, ханжами, утверждает свободное самораскрытие человеческой личности, проповедует смелость духа, отказ от поклонения общепринятым догмам и авторитетам.

Исполнители:

Я – школяр в этом лучшем из лучших миров.

Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!

До седин я у жизни хожу в подмастерьях,

Все еще не зачислен в разряд мастеров [Лирики...1986, 133].

Был ли в самом начале у мира исток?

Вот загадка, которую задал нам бог.

Мудрецы толковали о ней, как хотели, –

Ни один разгадать ее толком не смог [Лирики...1986, 134].

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,

Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,

Ни былой, ни грядущей минуте не верь,

Верь минуте текущей – будь счастлив теперь! [Лирики...1986, 135].

Недостойно – стремиться к тарелке любой,

Словно жадная муха, рискуя собой.

Лучше пусть у Хайяма ни крошки не будет,

Чем подлец его будет кормить на убой! [Лирики...1986, 137].

Мы источник веселья – и скорби рудник.

Мы вместилище скверны – и чистый родник.

Человек, словно в зеркале мир – многолик.

Он ничтожен – и он же безмерно велик! [Лирики...1986, 1453].

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда.
Быть сановным и важным – не стоит труда.
Не нужны всемогущему господу богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода! [Лирики...1986, 148].

Если б мне всемогущество было дано –
Я бы небо такое низринул давно
И воздвиг бы другое, разумное небо,
Чтобы только достойных любило оно! [Лирики...1986, 155].

Как прекрасны и как неизменно новы
И румянец любимой, и зелень травы!
Будь веселым и ты: не скорби о минувшем,
Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!» [Лирики...1986, 157].

Ведущие: Широко почитаем на Востоке **Джалаледдин Руми** (1207–1273 гг.) – как деятель суфизма, мистического течения в исламе, проповедующего аскетический образ жизни и интуитивное познание бога. В своих стихах Руми сумел придать мистической любви к богу – важнейшему постулату суфизма – черты универсального духовного стимула, «источника жизни». Поэт ярко выразил себя в стихотворных притчах, где традиционные, нередко фольклорные сюжеты осмыслены им в духе сочувствия угнетенным и беднякам, содержат сатирическое обличение тирании, корыстолюбия, лицемерия, невежества.

Исполнители:

Рассказ о винограде

Вот как непонимание порой
Способно дружбу подменить враждой,
Как может злобу породить в сердцах
Одно и то ж на разных языках.
Шли вместе тюрк, перс, араб и грек.
И вот какой-то добрый человек
Прятелям монету подарил
И тем раздор меж ними заварил.
Вот перс тогда другим сказал: «Пойдем
На рынок и ангур приобретем!»
«Врешь, плут, – в сердцах прервал его араб, –
Я не хочу ангур! Хочу инаб!»

А тюрок перебил их: «Что за шум,
Друзья мои? Не лучше ли узум?»
«Что вы за люди! – грек воскликнул им, –
Стафиль давайте купим и съедим!»
И так они в решении сошлись,
Но, не поняв друг друга, подрались.
Не знали, называя виноград,
Что об одном и том же говорят.
Невежество в них злобу разожгло,
Ущерб зубам и ребрам нанесло.
О, если б стоязычный с ними был,
Он их одним бы словом помирил.
«На ваши деньги, – он сказал бы им, –
Куплю, что нужно всем вам четверым,
Монету вашу я учетверю
И снова мир меж вами водворю!
Учетверю, хоть и не разделю,
Желаемое полностью куплю!
Слова несведущих несут войну,
Мои ж – единство, мир и тишину» [Родник... 1979, 349–350].

Ведущие: Руми славился и как непревзойденный мастер газели – небольшого лирического стихотворения.

Исполнители:

О вы, рабы прелестных жен! Я уж давно влюблен!
В любовный сон я погружен. Я уж давно влюблен.
Еще курилось бытие, еще слагался мир,
А я, друзья, уж был влюблен! Я уж давно влюблен.
Едва спросил аллах людей: «Не я ли ваш господь?» –
Я вмиг постиг его закон! Я уж давно влюблен.
О ангелы, на раменах держащие миры,
Вздымайте ввысь познания трон! Я уж давно влюблен.
Скажите Солнцу моему: «Руми пришел в Тебриз!
Руми любовью опален!» Я уж давно влюблен.
Но кто же тот, кого зову «Тебризским Солнцем» я?
Не светоч истины ли он? Я уж давно влюблен [Родник... 1979, 360–361].

Ведущие: Время Руми – XIII столетие – отмечено в персидской поэзии творчеством великого уроженца иранского города Шираза Абу Абдуллаха Мушрифаддина ибн Муслихиддина, известного всему миру под именем **Саади** (1210–1292). Предание говорит, что Саади тридцать лет учился, тридцать лет странствовал и тридцать лет писал. Зрелым мужем, прошедшим большую часть жизненного пути, он начал создавать «Гулистан» («Сад роз») и «Бустан» («Сад плодов») – главные свои произведения, содержащие итог большой и нелегкой жизни. Разнообразно богатство мудрых мыслей, щедро рассыпанных Саади. Но главное в его творчестве – вера в будущее человечества, в то, что наступит день, когда весь мир будет подобен плодovому саду, цветущему и благоуханному.

Стихи Саади обошли весь мир, строки многих из них стали крылатыми. Спустя почти восемь веков мы продолжаем с волнением читать: «Из всех даров мира остается только доброе имя, и несчастен тот, кто не оставит даже этого».

Исполнители:

О караванщик, сдержи верблюдов! Покой мой сладкий, мой сон
уходит.

Вот это сердце за той, что скрутит любое сердце, в полон уходит.
Уходит злая, кого люблю я, мне оставляя одно пыланье.
И полыхаю я, словно пламень, и к тучам в дымах мой стан уходит.
Я о строптивой все помнить буду, куда буду владеть я речью.
Хоть слово – вестник ее неверный – едва придет он и вон уходит.
Приди, – и снова тебе, прекрасной, тебе, всевластной, служить
я стану:

Ведь крик мой страстный в просторы неба, себе не зная препон,
уходит.

О том, как души бросают смертных, об этом люди толкуют разно.
Я ж видел душу свою воочью она – о горький урон! – уходит.
Не должен стоном стонать Саади, – но все ж неверной кричу я:
«Злая!»

Найду ль терпенья? Ведь из рассудка благоразумья канон
уходит! [Родник... 1979, 368].

Ведущие: XIV век в персидской поэзии – время расцвета любовной лирики. И ее центром и вершиной по праву признаны строки земляка Саади, родившегося в том же Ширазе, **Шамседдина Хафиза** (1325–1389). Имя его давно стало нарицательным – хафизом на Востоке называют прирожденного поэта, певца любви и духовной свободы.

Хафиз довел до совершенства жанр газели, придал афористическую стройность каждому ее двустишию-бейту, обогатил стихи щедрой звукописью. Но главное, он в этом жанре неповторимо написал о любви – не мистической, а человечески-реальной, чувственной, противостоящей всему дурному в мире. Внутренняя цельность, самозабвенное бескорыстие, сердечность и искренность душевных порывов – черты лирического героя газелей Хафиза.

Исполнители:

Ветер нежный, окрыленный, благовестник красоты.

Отнеси привет мой страстный той одной, что знаешь ты.

Расскажи ей, что со света унесут меня мечты,

Если мне от ней не будет тех наград, что знаешь ты.

Потому что под запретом видеть райские цветы

Тяжело, – и сердце гложет та печаль, что знаешь ты.

И на что цветы эдема, если в душу пролиты

Ароматы той долины, тех цветов, что знаешь ты? [Родник... 1979, 451–452].

Ведущие: Поэт возвел на уровень важнейших событий переживаемые им радость обладания и невыносимость разлуки. Здесь новый рубеж мировой лирики, важный шаг на пути постижения глубин человеческого сердца.

Имя **Абдуррахмана Джами** (1414–1492) замыкает перечень классиков иранской поэзии. Создатель обширного цикла поэм «Семь престолов», где он рассказал о своих идеалах справедливого устройства человеческой жизни, о вечных поисках счастья и гармонии в несчастном и дисгармоничном мире, Джами написал немало замечательных лирических стихотворений – газелей

и рубаи, многие из которых стали народными песнями, по сей день заучиваются наизусть на родине поэта.

Исполнители:

Учитель, до каких же пор с зари и дотемна
Моя газель должна все дни быть в школе пленена!
От свежей зелени луга сверкают, как парча,
Дай отдохнуть ей, с нами пусть побегаёт она.
Зачем еще, чему ее ты хочешь научить,
Когда с рождения она была умудрена,
Куда ни ступит – зазвучит молитвой за нее
Сердечный возглас: «Боже! Как умна, ловка, стройна!»
Да только губ ее вино, увы, запрещено.
Ходжа, без милости такой нет вкуса у вина!
Вчера я дал себе зарок не помышлять о ней,
Но понял, увидав ее, что клятва неверна.
А у Джами от этих губ душа кровоточит,
Как чаша кровью – до краев душа его полна [Родник... 1979, 498].

Ведущие: Читатель лирики Джами может убедиться, что поэт был прав, когда написал о своих собственных стихотворениях:

В моем диване собраны газели
Снедаемых любовною тоской,
Высокие раздумья, поучения,
Накопленные мудростью людской,
Но не найдешь в них поминанья низких
И лести с многословностью пустой [Лирики... 1983, 11].

Поэзия Востока никогда не была чуждой нам. В русских былинах звучат отголоски персидских эпических поэм – в богатыре Еруслане Лазаревиче угадывается главный герой «Шахнаме» Рустем.

У А. С. Пушкина мы находим стихи, навеянные Кораном и арабской лирикой. Находясь под впечатлением мудрых книг Саади, в Михайловском Пушкин создал проникновенное лирическое стихотворение «Виноград»:

Исполнители:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной:
Мне мил и виноград на лозах,

В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой [Пушкин 1985, 319].

Ведущие: А. Фет перелагал на русский язык стихи Хафиза и Саади.
С. Есенин создал «Персидские мотивы»:

Исполнители:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.
Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий... [Есенин 1970, 224].

Ведущие: Многие и многие русские поэты XX века отдали свой талант переводу восточной лирики. В этом легко убедиться, взглянув на перечень переводчиков прозвучавших стихотворений. В нем имена Анны Ахматовой, Николая Тихонова, Ильи Сельвинского, Семена Кирсанова, Владимира Державина, Вильгельма Левика...

Поэзия Востока, как и всякая истинная поэзия, пережила века, победила время. Она побеждает и пространство, приходя ко все новым поколениям читателей. Она стала живым достоянием всех, для кого русская речь – родная стихия.

Исполнители:

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей,
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет [Пушкин 1985, 395].

Ведущие: Что это? Отголосок персидской лирики? Один из ее вечных мотивов? Да. Вместе с тем это стихи Пушкина, это наша поэзия. А вернее всего:

- наша весна,
- наша молодость,
- наша любовь...

Литература

1. Восточная миниатюра в собрании Института востоковедения АН Узбекистана. – Ташкент, 1980.
2. Есенин С. А. Собрание сочинений. – В 3-х тт. – Т. 1. – М., 1970.
3. Лирики Востока. – М., 1983.
4. Пушкин А. С. Сочинения. – В 3-х тт. – Т. 1. – М., 1985.
5. Родник жемчужин: Персидско-таджикская классическая поэзия. – М., 1979.